

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.38>

«КАРДИОТОПИКА» В КОНВЕРГЕНЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО И СВЯТОТЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Научная статья

Гущина К.Н.^{1,*}, Бычков Д.М.²

¹ORCID : 0000-0002-7235-6263;

²ORCID : 0000-0002-0114-7341;

¹ Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Российская Федерация

² Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (k.churzina[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье анализируется религиозно-философский и поэтический контекст функционирования образа сердца в дискурсе русских поэтов-символистов. Предпринята попытка обнаружить мифологические и христианские (евангельские и святоотеческие) корни в генезисе «кардиотопики». Авторы исследования опираются на широкий круг трудов отечественных богословов и философов. Кроме того, для более полной интерпретации образа привлекаются новейшие анатомо-философские концепции и отдаленные контексты (ведические и коранические). В работе применяется когнитивно-дискурсивный подход к анализу и интерпретации центрального образа «кардиотопики» – сердца. Делается вывод, что поэтическое и святоотеческое восприятие образа сердца обнаруживает конвергенцию смыслов.

Ключевые слова: русская литература, «кардиотопика», образ сердца, дискурс, телесность, религиозно-философская традиция.

"CARDIOTOPICS" IN THE CONVERGENCE OF POETIC AND SACRED THEOLOGICAL DISCOURSES

Research article

Gushchina K.N.^{1,*}, Bichkov D.M.²

¹ORCID : 0000-0002-7235-6263;

²ORCID : 0000-0002-0114-7341;

¹ Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russian Federation

² Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation

* Corresponding author (k.churzina[at]yandex.ru)

Abstract

This article analyses the religious-philosophical and poetic context of the functioning of the heart image in the discourse of Russian symbolist poets. An attempt is made to find mythological and Christian (evangelical and saint-theological) roots in the genesis of "cardiotopics". The authors of the study rely on a wide range of works of domestic theologians and philosophers. In addition, for a more complete interpretation of the image, the latest anatomico-philosophical concepts and remote contexts (Vedic and Quranic) are attracted. The work applies a cognitive and discursive approach to the analysis and interpretation of the central image of "cardiotopics" – the heart. It is concluded that the poetic and saint-theological perception of the heart image shows convergence of meanings.

Keywords: Russian literature, "cardiotopics", image of the heart, discourse, corporeality, religious and philosophical tradition.

Введение

Известно, что человеческому сознанию свойственна мифологизация окружающего мира как попытка объяснить сложные универсалии не только внешней действительности, но и внутреннего бытия личности, в том числе и анатомо-философского представления о теле, трансформирующее физиологическое в мифологическое. В связи с этим особым значением наделяется образ сердца как ключевой топос в телесной концепции поэтов и философов. Представляется интересным рассмотреть мифопоэтический генезис данного образа в его связи с материалистической интерпретацией. Современная философская и филологическая мысль активно обращается к интерпретации образа сердца.

Основные результаты

Этимология слова *сердце* (от индоевропейского корня *kerd*) отображает анатомо-философскую репрезентацию – середину, сердцевину, средоточие ума, мыслей, чувств, этического комплекса и т.п. [1, С. 555]. В свою очередь это предопределило его центральное положение в представлении человека о своем теле, его концептуальной картине мира и художественной соматосфере.

Поэтическая и философская семантика образа сердца мифологически связана с его анатомической формой. Как известно, сердце имеет конусообразный вид: основание расширено и обращено назад и вверх, образуя своего рода воронку, что нашло отражение в массовом бытовом сознании. Форма сердца как секулярный символ обычно изображается в виде двух выпуклых полукругов, соединенных внизу острым концом. Эта форма ассоциируется с физическим сердцем и является узнаваемой и универсальной.

Ведическая традиция приписывает воронке особый мистический статус – получать и аккумулировать разновекторные энергии – земную (материальную) и духовную (небесную). Ведические тексты описывают сердце как место, где пребывает душа и где происходит взаимодействие между материальным и духовным мирами. В ведической философии сердце также связывается с понятием «атман» или души. Считается, что в сердце находится истинная сущность человека, его внутренний свет и мудрость. Ведические практики, такие как медитация и йога, направлены на раскрытие этой внутренней сущности и достижение духовного просветления. Таким образом, в ведической традиции сердце имеет глубокий духовный смысл, связанный с самопознанием, преображением и единством с божественным. Оно является символом высших человеческих качеств и стремления к духовному развитию.

Такая изотерическая теория вполне коррелирует с анатомо-физиологической идеей об энергетическом обеспечении сердца, имеющем в основе химическую природу. Так, воронкообразное строение органа, расширенной частью направленного вверх по отношению к мозгу, способно принимать от него разной природы импульсы и сигналы, в том числе и те, которые не нуждаются в анатомических и физиологических способах связи. По этому поводу хирург и богослов В.Ф. Войно-Ясенецкий пишет: «...мысли передаются в сердце... мысль как акт чисто психологический, в отличие от ощущений как актов физиологических, не нуждается в анатомических путях проведения» [7, С. 42]. При этом возможна и обратная передача от сердца к мозгу, уму.

Анатомо-физиологический субстрат образа сердца характеризуется также автоматизмом функционирования, то есть работа органа самообусловлена и имеет источником само себя. В художественном дискурсе эта функциональная специфика получила особый философский статус: ключевое положение среди других соматических органов, а также возможность замещать в образной структуре всего человека как личность. Таким образом, материальная основа образа объясняется его культурным статусом: сердце воспринимается как локализация духа и душевной жизни человека, локус концентрации духовной жизни субъекта.

Метафорико-ассоциативный спектр сердца как образа в художественном дискурсе коррелирует с фактами, описанными в медицинской литературе. Так, кардиолог А.И. Гончаренко отмечает два удивительных факта о физиологическом поведении сердца. Первый факт, «предвосприятие» этого органа, при котором перцептивная способность сердца опережает наши ощущения и работу сознания. Второй факт, это этический потенциал органа, его «моральное поведение», заключающееся в способности «жертвовать» кровью ради спасения других органов [3, С. 34-43].

Святоотеческая традиция также приписывает сердцу широкую функциональную дифференциацию, далеко выходящую за пределы традиционной анатомии и физиологии: «Сердце, по Священному писанию, есть орган общения с Богом, – пишет В.Ф. Войно-Ясенецкий в своем сборнике поучений «Дух. Душа. Тело», – оно есть орган высшего познания» [7, С. 24]. Действительно, труды христианских богословов – Ефрема Сирина, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Лествичника, Макария Великого и многих других отмечают речемыслительную функцию сердца, способную к мистической коммуникации. «Сердце, а не разум чувствует Бога», – писал Блэз Паскаль, также полагая, что сердце способно к иррациональному восприятию и переработке экзогенных импульсов нематериальной природы интуитивным «чутьем» [8].

Генезис «антиномизма» [2, С. 66] сердца в христианской традиции восходит к Священным писаниям, для которых характерна метафорическая корреляция сердца и поля. Например, в евангельской «Притче о сеятеле» (Матф. 13:3-8) рассказывается о том, как сердца людей воспринимают Слово Божие. При этом сердце ассоциируется с почвой, землей, дорогой (*каменистой, тернистой и доброй*). Слова Иисуса Христа проникают в душу через сердца.

Подобное представление о сердце наблюдается и в исламской традиции: сердца неверующих уподобляются недужным, запечатанным, каменным. В Суре 2:10 читаем: «Их [*неверующих* – прим. авт.] сердца поражены недугом. Да усилит Аллах их недуг!». Таким образом, религиозная интерпретация данного образа определяет сердце органом воспринимающим и аккумулирующим духовные законы Творца.

Христианство наделило сердце новой функциональностью – коммуникативной. В Евангелии от Матфея есть строки, раскрывающие когнитивно-коммуникативные возможности сердца: «От чистого сердца глаголят уста» (Матф. 12:34).

В русской поэтической традиции Серебряного века (в особенности поэты-символисты и акмеисты [4]), перекликающейся с религиозно-философским дискурсом, относительно интерпретации исследуемого понятия, «кардиотопика» приобретет более отчетливое коммуникативное измерение, сродни фразеологическим оборотам – *говорить в сердцах, сердечный разговор, от сердца к сердцу, от чистого сердца, воспринимать близко к сердцу* и т.п. При этом «кардиотопика» достаточно часто сопрягается с мотивом одиночества. Так, Д. Мережковский в стихотворении «Одиночество» (1890) пишет:

*Чужое сердце – мир чужой,
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.*

Лирический субъект поэта находится на пути духовного познания природы одиночества человеческой души. В данном контексте сердце отождествляется с миром, непознаваемым, полным тоски и отрешенности от диалога. Традиционная метафора сердца как сосуда, заполненного тоской, и средоточия душевных тайн, хранящего *на самом дне больной души*, то, что недоступно другому человеку. Отсюда рождается оппозиция «Я – другой» (*Чужое сердце – мир чужой*), которая создает определенные коммуникативные пределы и барьеры для понимания, сформулированные еще Ф. Тютчевым в XIX веке в его известном стихотворении «Silentium» (1830):

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя? <...>
Лишь жить в себе самом умей –*

Есть целый мир в душе твоей...

Речемыслительная функция сердца, как видим, замкнута на самой себе, поскольку достойного субъекта общения в душевном плане ему не найти. Вся полнота общения человека доступна только Творцу. Говорить сердцем человек может только с Богом, и русские поэты видят в этом источник человеческих страданий.

В русской поэзии начала XX века речемыслительная и коммуникативная функция сердца часто выражается через символическое изображение сердца как центра эмоционального и духовного мира человека. В поэтическом дискурсе сердце часто ассоциируется с понятием «душа», выступая как источник чувств и эмоций, неразрывно связанных с внутренним миром поэта. Оно выражает его внутреннюю правду, его самые глубокие переживания и мысли.

В современной филологии утвердился ряд литературоведческих представлений: «когнитивная деятельность по созданию литературно-художественного текста неразрывно связана с фактором телесности <...> "говoreние" тела человека через речь, телесность – вещественный носитель духовности, интенциональность не только сознания, но и интенциональность тела» [5, С. 202]. Сердце также часто используется как репрезентант когнитивных свойств лирического субъекта. Особое значение этому предавали романтики XIX века и русские символисты Серебряного века, в силу их трансцендентного мировосприятия, репрезентованного в лирических текстах. Например, в стихотворении А. Блока «Тревога» «кардиообраз» способен слышать, видеть, декодировать тайные знаки, все это – совокупность коммуникативных параметров образа:

Сердце слышишь...

Сердце видишь:

Кто-то подал знак,

Тайный знак рукой?

В этом плане образ сердца восходит к романтической интерпретации. К. Батюшков в стихотворении «Мой гений» (1815) указывал на еще одно когнитивное свойство сердца, без которого невозможна коммуникация – память:

О, память сердца! Ты сильней

Рассудка памяти печальной...

Заключение

Таким образом, речемыслительная функция сердца в русской поэзии восходит к анатомо-философским концепциям ведических мифов, Священных текстов, святоотеческой литературы, что в совокупности служит основанием для воссоздания генезиса образа сердца. В начале XX века расширился интерпретационный потенциал исследуемого образа за счет включения приписываемых ему когнитивных способностей еще и коммуникативной функции, что повлекло за собой дискурсивную конвергенцию в прочтении образа сердца. В символической репрезентации сердце способно выражать глубинные чувства, эмоции и мысли поэта, а также служит передаче символического значения идеалов, ценностей и духовности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Багриновский Г.Ю. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г.Ю. Багриновский. — М.: Астрель; АСТ, 2009. — 735 с.
2. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. — 1990. — Вып. 4. — С. 62-88.
3. Гончаренко А.И. Непознанное сердце / А.И. Гончаренко // Техника молодежи. — 2004. — № 9. — С. 34-43.
4. Гущина К.Н. Поэтика телесности в лирическом творчестве Владимира Нарбуто / К.Н. Гущина. — Астрахань: Изд-во АГТУ, 2023. — 92 с.
5. Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / ред.-сост. Е.Н. Бадалова, Д.М. Бычков. — Астрахань: Астраханский университет, 2014. — 268 с.
6. Лебеденко А.А. Учение сердца Григория Сковороды: концепция цельности человека и мира / А.А. Лебеденко // Живая этика и наука. — 2013. — № 3. — С. 143-161.
7. Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело: избранные поучения / Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). — М.: ДАРЪ, 2022. — 320 с.
8. Тарасов Б.Н. Жизнь замечательных людей. Паскаль / Б.Н. Тарасов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — Вып. 1196(996). — 390 с.
9. Тарасов Б.Н. Философия сердца в творчестве Паскаля и русских мыслителей / Б.Н. Тарасов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — Вып. 3. — С. 229-237.
10. Хвастунова Ю.В. Российская традиция философии сердца и западная теория эмоциональной культуры / Ю.В. Хвастунова // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 310. — С. 19-25.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bagrinovskij G.YU. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: bolee 5000 slov [Etymological Dictionary of the Russian Language: over 5000 words] / G.YU. Bagrinovskij. — M.: Astrel; AST, 2009. — 735 p. [in Russian]
2. Vysheslavcev B.P. Serdce v hristianskoj i indijskoj mistike [The Heart in Christian and Indian Mysticism] / B.P. Vysheslavcev // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 1990. — Iss. 4. — P. 62-88. [in Russian]
3. Goncharenko A.I. Nepoznannoe serdce [Unrecognized Heart] / A.I. Goncharenko // Tekhnika molodezhi [Technics of Youth]. — 2004. — № 9. — P. 34-43. [in Russian]
4. Gushchina K.N. Poetika telesnosti v liricheskom tvorchestve Vladimira Narbuta [Poetics of Corporeality in the Lyrical Work of Vladimir Narbut] / K.N. Gushchina. — Astrakhan: Publishing House of ASTU, 2023. — 92 p. [in Russian]
5. Kognitivnyj slovar' literaturno-filosofskogo diskursa [Cognitive Dictionary of Literary and Philosophical Discourse] / ed.-comp. E.N. Badalova, D.M. Bychkov. — Astrakhan: Astrakhan University, 2014. — 268 p. [in Russian]
6. Lebedenko A.A. Uchenie serdca Grigoriya Skovorody : koncepciya cel'nosti cheloveka i mira [Grigory Skovoroda's Doctrine of the Heart: the Concept of the Wholeness of Man and the World] / A.A. Lebedenko. — ZHivaya etika i nauka [Living Ethics and Science]. — 2013. — № 3. — P. 143-161. [in Russian]
7. St. Luke (Voyno-Yasenetsky). Duh, dusha i telo: izbrannye poucheniya [Spirit, Soul and Body: Selected Teachings] / St. Luke (Voyno-Yasenetsky). — M.: DAR, 2022. — 320 p. [in Russian]
8. Tarasov B.N. ZHizn' zamechatel'nyh lyudej. Paskal' [Lives of Remarkable People. Pascal] / B.N. Tarasov. — M.: Molodaya gvardiya, 2006. — Iss. 1196(996). — 390 p. [in Russian]
9. Tarasov B.N. Filosofiya serdca v tvorchestve Paskalya i russkih myslitelej [Philosophy of the Heart in the Work of Pascal and Russian Thinkers] / B.N. Tarasov // Vestnik russskoj hristianskoj gumanitarnoj akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. — 2015. — Vol. 16. — Iss. 3. — P. 229-237. [in Russian]
10. Hvastunova YU.V. Rossijskaya tradiciya filosofii serdca i zapadnaya teoriya emocional'noj kul'tury [Russian Tradition of Philosophy of Heart and Western Theory of Emotional Culture] / YU.V. Hvastunova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. — 2008. — № 310. — P. 19-25. [in Russian]